

УДК 1(076):165.63

В. Е. Шедяков
доктор социологических наук,
кандидат экономических наук, доцент, независимый исследователь

СРАВНЕНИЕ С ПРЕДСТАВЛЕНИЕМ О ДОЛЖНОМ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ ОЦЕНКИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

*Тоска овладела нами, та тупая,
сжимающая тоска, которая нападает на человека
в предчувствии загадочной и ничем
не мотивированной угрозы. Бывают времена,
когда такого рода предчувствия
захватывают целую массу людей...*
М.Е. Салтыков (Н. Щедрин)
«Современная идиллия»

Общественные нормы, закреплённые традициями, длительное время предопределяли отношение к вариантам и чертам прошлого, настоящего и будущего. Нон-конформистский бунт против Традиции породил когда-то стереотип героя-мятежника, ниспровергающего прошлое во имя будущего. Другое дело, что на практике зачастую «прогрессоры» торпедировали реально проводимые реформы, а то и диктаторски навязывали обществу путь, приводивший к значительным издержкам (при этом порой перечёркнутый последующим ходом истории). Изучение закономерностей и случайностей управления, общего и особенного в принятии выбора на уровнях стратегии, тактики и оперативного искусства осуществлялось издревле: часто от их усвоения зависело не только развитие, но и выживание. В частности, судьбы противостояния культурно-цивилизационных миров решались и в результате стратегических решений. Вместе с тем определённая шагов и действий складывалась под воздействием общекультурной доминанты.

Теоретико-методологические базы исследования составляют исследования, во-первых, аналитиков поведенческих различий между представителями различных культурно-цивилизационных миров, во-вторых, специалистов в вопросах диалектики традиций и инноваций в социокультурной ткани общества, в-третьих, научных школ изучения роли нравственного императива в обеспечении общественных безопасности и развития.

Актуализация полилога в качестве пространства гиперконкуренции вносит новые акценты в осуществление партнёрства и состязания культурно-цивилизационных миров, смещая возможности и риски их жизнедеятельности. Между тем, постсовременное наложение черт постглобализма и постиндустриализма на общую канву постсоветских преобразований породило не только возможность для каждого выбирать для себя по своим склонностям элементы культуры самых разных эпох и цивилизаций, но и массивное медийное давление. В этих условиях наличие и качество «нравственного стержня» становится предпосылкой выживания и органичного развития.

Цель статьи – сжатое изложение выводов из диалектики общего и специального в динамике восприятия в культурно-цивилизационных мирах в условиях усиления значения социального уровня информационного влияния.

Рефлективный характер постсовременных трансформаций обостряет конкуренцию за общественное мировоззрение, восприятие и интерпретацию прошлого, настоящего и будущего. Ценности по своей природе являются личностным срезом общественного сознания, раскрываясь через познание идеального, духовного, общекультурного. Вне нравственного стержня ценностно-смысловых комплексов пространство культурно-цивилизационного мира оказывается перед угрозой рассыпания на островки духовного и материального производства, отдельные фактории и обособленные узлы, отказа от собственной исторической судьбы и превращения в строительный материал глобальных конкурентов, утраты субъектных свойств и падения на уровень объекта внешнего манипулирования, а соответствующие

государственные образования – участии лимитрофов. Создание и распространение ценностных характеристик непосредственно связано с полноценностью этических оснований безопасности и развития, развёртыванием соответствующего уровня всеобщих форм мышления, реализацией пластов идеального.

Возникновение и развитие представлений о должном осуществляется под влиянием ценностно-смысловых комплексов, то и другое может иметь как преимущественно индивидуальный (характеризуя личность), так и социальный, родовой характер, что меняет значимость внешнего давления. Вместе с тем «на общекультурном уровне мы имели дело с обобщённым человеком как носителем своей родовой сущности... Иное содержание мы обнаруживаем, перемещая внимание на социальный горизонт человеческого бытия. «Один – за всех, все – за одного» – это новая логика принятой ответственности» [1, с. 60]. При этом не просто создаются основания, точки конденсации роста общественности и гражданственности, но формируются социально значимые мотивации действий/бездействия, конечный вектор трансформаций, активизация производительных сил общества, структурируется и упорядочивается социальный хаос. Соответственно, ценностно-смысловые комплексы в общественной практике реализуются слитно: с одной стороны, ценности окрашивают характер и направленность смыслов, с другой – они наполняют смыслом те или иные действия, определяя направленность интереса как познавательного, так и конструктивного. Формирование ценностно-смысловых комплексов обеспечивает не только складывание ядра культурно-цивилизационного мира и становление саморегулирующих и саморазвивающихся механизмов, укоренённых в традициях, устоях, нормах и передающихся механизмами социальных наследования и памяти, но и предпочтения к путям, этапам и очерёдности возможных социально-политических преобразований, а также диапазон социокультурных репрезентаций. Легитимация намерений в действиях – символ осуществления намерений по отношению к событиям, а также способ доказать истинность мотивов и способность к субъектности. Также частым вариантом является желание придерживаться традиций сообщества и группы, закреплённых в социокультурном пространстве и институтах культурно-цивилизационного мира. Вместе с тем форма освоения ценностно-смыслового комплекса – его развитие. Осуществление, восприятие и интерпретация общественных развития и безопасности историчны. Как известно, у каждой эпохи свои нормы и формы выхода за них (как в моральное, так и в аморальное, как в героическое, так и в низменное): различные условия востребуют разные черты. Соответственно, изменчив вектор давления общественной среды. Способность к устойчивости и изменению культурно-цивилизационных миров во многом определяется сплетённостью (в частности, под влиянием исторического опыта, социокультурного наследия и ментальных матриц народа) объективных и субъективных факторов структурирования, формирующих обратные связи и отношение к творчеству (индивидуальному и массовому,

в труде и управлении, etc.). В этом контексте «для мысли самым страшным врагом является прошлое» [2, с. 13]. Ценностно-смысловые комплексы формируются и реализуются на двух основных уровнях: мировоззренческом и функциональном, соответственно, в подсистемах ценностно-мировоззренческих и ценностно-функциональных комплексов, которые отражают по преимуществу идеально-духовные и реально-бытовые срезы бытия. Тем самым общество обеспечивается своеобразными социокультурными «осями координат». При этом переживают свои жизненные циклы культурно-цивилизационные миры отнюдь не синхронно. Разумеется, как условное преобладание какого-либо из них в определенный момент вовсе не означает его большей потенциальной ценности для развития всей ойкумены, так и проигравшие в исторической конкуренции зачастую таили спасительные для человечества возможности.

Образность, метафоричность, ассоциативность, насыщенность аллюзиями становятся важными ресурсами конкуренции идей и идеалов, влияния идеального поля жизнедеятельности на реальное. Впитывая особенности ценностно-смысловых комплексов, оперирование образами осуществляет воздействие на переход между общественным и индивидуальным восприятием: природа самих ценностей предполагает рассмотрение с позиций отпечатка общественного сознания в индивидуальном, входит в соприкосновение с составляющими элементами социальной памяти, общественных мифов и традиций, отражая совокупность свойств идеального. Идеальность как черта не только бытия потенциального или субъективного представления (коллективного или индивидуального), но и формы представленности, деятельностного замещения одного предмета другим позволяет анализ этой «чувственно-сверхчувственной» реальности. При этом средствами культуры осуществляется идеальная репрезентация материальной действительности, когда идеальное является признаком истинности бытия материального. Отношения социальной идеальности ценностно-смысловых комплексов как своего рода объективной субъективности и подтверждают дополнительно роль в качестве ресурса общественной интеграции и формирования полноценных социокультурных полей. Создание и распространение привлекательного образа не просто притягивают потенциальных сторонников, информационно «заражают» и, возбуждая, активизируют их, они фактически материализуют идеи, подходы, переводя виртуальный мир в реальную плоскость и обеспечивая получение действительных преимуществ, когда «все эти «социальные технологии» ... преследовали интересы этнократии и объективно носили ... глубоко антинародную и антинациональную направленность [3, с. 10]. Формирование образа апеллирует к опыту и настроению, интегрируя феномены культуры художественной и интеллектуальной, что позволяет под видом рациональных решений скрывать иррациональные начала, обходя ловушки критицизма и рассудительности. При этом отрыв лидеров от избираемой ими оставшейся части мира нарастает – и это тоже становится условием успеха лидеров.

Массовость общественных движений поддерживается наложением стимулов на совпадения трансформационных целей с наличествующими у людей ценностями. Факты общественной жизни мерцают в субъективности их смысловой интерпретации. При этом транзит самого оценивания может происходить с опорой как на демонизацию альтернативного подхода, так и на эмоциональность восприятия. Сборка событий в тенденцию во многом характеризует ожидания «лидера мнений» и добросовестность как властвующей группы, так и аналитиков/комментаторов, осуществляясь под определяющим воздействием мировоззрения. Объективная реализация и субъективное использование ценностно-смысловых комплексов существенно трансформируется в условиях культуры традиционной, модерной и постмодерной. Качество же их влияния на социальность того или иного культурно-цивилизационного мира во многом обеспечивается его доминирующими мифологемами. Следовательно, диалектика субъективного и

объективного, целенаправленного и стихийного, закономерного и случайного факторов мифотворчества становится важнейшим звеном обеспечения продуктивности всей социальной целостности. Исследования по психозондированию дополнительно демонстрируют: человек не просто использует, «оперирует» мифическими впечатлениями, он живет среди них и ними. Сама общность государства, политической нации, организации обеспечивается общими ценностями, смыслами и мифами.

Идеал ведёт за собой. Идеальность не просто отражает материальное: виртуальность начинает формировать реальность, подгоняя впечатление от неё под свои требования. Впитывая особенности ценностно-смысловых комплексов, оперирование образами осуществляет воздействие на переход между общественным и индивидуальным восприятием: природа самих ценностей предполагает рассмотрение с позиций отпечатка общественного сознания в индивидуальном, отражая совокупность свойств идеального. Соответственно, оперирование образами в мыследеятельности входит в соприкосновение с составляющими элементами социальной памяти, общественных мифов и традиций. При этом средствами культуры осуществляется идеальная репрезентация материальной действительности, когда идеальное является признаком истинного бытия материального. Отношения социальной идеальности ценностно-смысловых комплексов как своего рода объективной субъективности и подтверждают дополнительно роль в качестве ресурса общественной интеграции и формирования социокультурных полей.

Парадигмальность общечеловеческих трансформаций предполагает усиление значения духовного производства. Вместе с тем, с одной стороны, оно испытывает заметное давление со стороны субъектов глобальных процессов, с другой – зиждется на особенностях форм, предоставляемых базовыми ценностно-смысловыми комплексами культурно-цивилизационных миров. Духовное производство фиксирует на фундаментальном уровне производительность общественного сознания от общественного бытия, на актуальном же, наоборот, – общественного бытия от общественного сознания. Материальные и духовные культурно значимые пространственно-временные формы вещей, общественных контактов и процессов создают социально-экономический порядок, имеющий внутреннее и внешние очертания. Одновременно духовное творчество как неотъемлемая определенность духовного производства оказывается крайне чутким к отчуждающим человеческую личность факторам. Так, творческое начало предполагает реализацию существенных сил человека, потому имманентно его природе. Вместе с тем растёт заинтересованность в паразитировании именно на духовной (в частности интеллектуальной) одарённости, сдвигая акценты в процессах отчуждения. Традиции и ценности всегда формировали силы самосохранения и саморазвития ойкумены. Однако только теперь угрозы достигли планетарного масштаба, формируя вызовы как ценности самой человеческой жизни, так и достоянию мировой (духовной и материальной) культуры. В частности, этическая база материально-экономических отношений охватывает не только прежние (в том числе религиозные и иерархические) ценности, но и новые, связанные с критическим взглядом на «технологическое рабство» и производственный императив жизни, с ориентацией на гармонию творчества и самостоятельность выбора деятельности, её места и времени. Вместе с тем экология личности предполагает постоянный гражданский выбор в пользу творчества как проявления сугубо индивидуальной комбинации дарований в общественно предоставляемой форме. Если ранее человек, как правило, реализовывался в строгих рамках предопределённой рождением жизненной дороги, то сегодня в социальном масштабе свобода выбора в продуцировании смыслов сменила прежнюю свободу от выбора с низведением к животной-вещной репродукции. Место общественной предрасположенности к отчуждённому канону и индивидуального порыва к творчеству заняла общественная потребность в творчестве, дополняемая индивидуальной склонностью к бегству от сложностей

свободы. Противоречие родовых сил развёртывается в социальные конфликты, вызывая варианты сублимации.

Духовное, душевное и интеллектуальное напряжение, их эмоциональное и рациональное измерение – элементы не только психического становления отдельного человека, но и социокультурного основания конкуренции культурно-цивилизационных миров. На пересечениях этих осей развития сформированы представления о трёх взаимообуславливающих ипостасях культуры: Истине, Добре и Красоте. При этом народная нравственность фиксируется представлениями о должном: справедливом, красивом, истинном. Продуктивное состояние социальных отношений в обществе знаний предполагает наличие нравственного остова. Его значение, нормативная и регулирующая социальные отношения роль возрастает при трансформациях парадигмального уровня и в ситуациях, близких к институциональной неопределённости. Субъекты духовного поиска всегда менее подвержены давлению внешних факторов и находятся в состоянии нравственного выбора. Так, с одной стороны, для многих первооткрывателей важным был сам процесс выплёскивания, опредмечивания своего внутреннего состояния в предметах и явлениях научной и художественной ценности. С другой же – известны случаи, когда и создание передовых видов оружия массового поражения воспринималось его создателями в первую очередь как «интересная физика». Общество знания мультиплицирует возможности находящихся в точках прорыва, а «поражающая способность» «социально-экономических бомб» лишь возрастает. Условия кардинальной трансформации системы ценностей, моральных и идеологических ориентиров, идеалов, целей производят «человека-маргинала», для которого и прежние, и новые ценности и нравственные табу отнюдь не безусловны. Вместе с тем, например, за счёт использования формируемых вокруг ценностно-смысловых комплексов мифо-символических конструкций удается эмоционально окрашивать интерпретации происходящего, менять медиасреду, предвосхищая выбор и обходя существующие самозапреты и интеллектуальные ограничения. Соответственно, разрыв в уровнях их развития таит опасности для цивилизации и отдельного человека. Вооружённость интеллектом и техникой тем более требует прочного социокультурного основания. Под влиянием уровня разделения труда включённость духовного творчества (прежде всего научно-интеллектуального и художественно-образного) в процесс общественного производства приобретает черты доминирования анализа/синтеза, соотношения универсальности/функциональности. Осуществление многоплановых и разноскоростных трансформаций (среди которых есть и кардинальные) настоятельно требует, с одной стороны, комплексности преобразований и мер по их осуществлению, с другой – выделения приоритетных направлений (в частности, посредством концентрации ресурсных баз). Объективное изменение требований к конкурентоспособной организации труда предполагает квалифицированное и заинтересованное участие персонала в улучшении производства. Отсюда – цивилизационная потребность в постоянном мотивировании и обучении при акценте на воспитании характеристик «человека разумного», а не «человека умелого», в экономическом поведении – не «человека экономического», а «человека творческого», не «потребителя» или «пройдохи», а «созидателя», необходимости комплексного формирования как стимулирующей желательные изменения общественной среды, так и кластеров развития. В то же время требуется акцентирование методологической грамотности, а не приспособленчества в мелкотемье тренингов, самооценности и профессионализма, а не агрессивного поведения в карьерной гонке. Состояние и динамика социокультурных полей мира продуцирует конкретные формы взаимосвязей общественной психологии и общественной идеологии в духовной жизни, переплетений теоретического и повседневного уровней индивидуального и общественного сознания. Интеллектуальное и нравственное измерения общественной жизни и хозяйственно-производственной деятельности формируют

как качество фундаментально-методологического фундамента практико-теоретического освоения действительности, так и напряжённость творческого поиска.

Смыслы жизнедеятельности: человеческой и культурно-цивилизационных миров – определяют направленность, темпы, формы и очередность трансформации их конкретных характеристик, но сами проявляют себя как сторона ценностного восприятия окружающего. Ценностные иерархии и жизненные смыслы неотъемлемы друг от друга и постоянно резонируют. Ранее человек рождался, как правило, обречённый на жизнь в строго предопределённом культурном слое. Ныне же каждый волен выбирать в окружающем: актуальном и отзвуках ушедших и приходящих эпох – то, что внутренне близко. Соответственно, не надо служить ничьим идеям, кроме своих, разделять чужие подходы, кроме собственных. В этом контексте и само понятие развития нуждается в обновлении: кроме стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие максимы, как свобода выбора, убеждений и слова, самодеятельность, терпимость. Жизнедеятельность культурно-цивилизационных миров интегрирует образное восприятие социокультурной истории (где можно использовать и реактуализировать образы из самых разнообразных эпох) и предистории (когда ничего не предрешиено, могут победить самые противоречивые формы). Переход к принципам постсовременности, к логикам свободы является и отказом от единственности любого базиса развития, возможностью соединения отдельных черт миров в новую целостность и обеспечения соразвития. Исчезает определённость, падает результативность директивного администрирования, нарастает значение повседневных практик, внеиерархических социальных коммуникаций и неинституционализированных отношений. Мультикультурализм и культурно-социальная интеграция различных этнических и цивилизационных групп – это аспекты равноправного взаимодействия и взаимной терпимости, заключающиеся в защите существования и коэволюции разнообразных культур при их проникновении, обогащении и развитии на принципах, признаваемых справедливыми. Каждый волен отбирать в окружающем: актуальном и отзвуках ушедших и приходящих эпох – то, что внутренне близко ему; нет принуждения, и никто никому ничем не обязан. Соответственно, не надо служить ничьим идеям, кроме своих, разделять чужие принципы и подходы, кроме собственных. В этом контексте и само понятие развития нуждается в обновлении: кроме стабильного и сбалансированного роста, оно должно ориентироваться на такие максимы, как солидарность, свобода выбора, убеждений и слова, терпимость. Исчезает понятие периферийной культуры: они равноценны и равноправны. Усиливаются процессы соизмерения друг другом внешне противоположных подходов, на смену чистым формам (в частности мыслеформам) и образам приходят превращённые (преобразованные), вобравшие в себя элементы чужой истории и гибко отражающие черты всё новых своих носителей. Однако прогресс непременно включает в себя элементы регресса, в частности, связанного с вирусами «насилия и бескультурья, антидемократичности и антигуманности, манипулятивности и авторитаризма» [4, с. 127–128].

Механизмы эмоциональности и рациональности восприятия при своем резонировании позволяют задействовать глубинные пласты мироощущения, обходя недоверие к информации и её носителям. Вместе с тем, как убедительно свидетельствует мировой опыт, попытки насаждения метрополиями в других культурно-цивилизационных мирах колоний удобных для себя порядков вызвали крайне сложные долговременные последствия для обеих сторон. Так, иррациональные формы социально-политической жизни несут содержание, совершенно отличное от первичного, что искривляет путь развития и готовит основания для перерасхода продуктивных сил и отката в жизнедеятельности. Восприятие же образов исторично. Как известно, у каждой эпохи свои нормы и формы выхода за них (как в моральное, так и в аморальное, как в героическое, так и в низменное):

различные условия востребуют разные черты. Условия постсовременности с характерными социальной электикой, плюралностью, разнонаправленностью, движением общности от свойств социально-экономической системы к бессистемным социокультурным целостностям особенно потворствуют формированию социокультурных динамик на основе методологии и техник оперирования образами. Однако под покровом общих трансформаций возрастает диапазон ресурсов навязывания представлений и манипулирования осуществляемым выбором. Отсутствие генерализующего вектора (обеспечивавшего автоматическую систему оценки при главенстве моделей общественного развития Традиции или Модерна), утрата обязательности и единственности основной внешней опоры и логики жизнедеятельности упрощает реализацию разновекторных трансформаций – вплоть до формирования условий осуществления подвижек в духе окна Овертона. Так, в частности, «методология пиара характеризует знания и представления о методике осуществления (подготовки и проведения) PR-деятельности; будучи, в частности, всё в большей мере ориентированной на движение от жёсткого администрирования к осуществлению стимулирования желаемых изменений на базе мягких методов гибкой власти» [5, с. 15].

Информационное противоборство как компонент комплексной конкуренции между культурно-цивилизационными мирами непосредственно «с целью нарушения информационной безопасности другого государства, при одновременной защите от аналогичных действий со стороны противостоящего» [6, с. 156], стратегически – ради защиты/экспансии своих ценностно-смысловых комплексов. Соответственно, информационные войны имеют преимущественно мировоззренческую (смысловое противоборство) или же инструментальную (ради решения конкретных задач) составляющую. Первая из них тесно связана с общественным мифотворчеством, вторая – особенностями индивидуального восприятия и интерпретации. И ныне на формирование успешных стратегий оказывают существенное воздействие наложение процессов информатизации и повышения роли Интернета (в частности социальных сетей), постмодернизации, размывания национального суверенитета глобализацией и регионализацией, сочетания интеллектуализации и стандартизации восприятия и т. п. Так, «умение самоосуществиться, не потерять себя, свою самоидентичность, сохранив высокий уровень созидательной энергии и духовно-нравственных ориентиров среди фигур (пост)современного театра теней ... тесно связано с наличием и реализацией собственной стратегии: без этого условия модели взаимодействия – лишь политические формы без собственного содержания. Здесь же определяется: станут ли базовыми устремления созидателей или потребителей, творцов или манипуляторов/манипулируемых, носителей своих смысловых иерархий или услуги чужих интересов» [7, с. 249].

«Рекламный потоп» предоставил новые медиавозможности осуществления влияния на социальном уровне и в социокультурной сфере, в смещении баланса рациональных и иррациональных факторов эмоционального и интеллектуального возбуждения и в формировании представлений [8, с. 31]. При этом подмена смыслов облегчается близостью информационных вбросов традиционным ощущениям и представлениям (прежде всего о должностовании). Имитационность институтов при навязывании чуждых структур государственного строительства позволяет скрывать под их покровом совершенно отличное от декларируемого содержание, расширяя площадь «карнавальности» внедряемых социально-политических практик. Время трансформирует акценты в работе с информацией. Так, с одной стороны, из веры в информационные источники (те же СМИ) человечество выросло (как когда-то переросло веру в русалок и домовых). С другой же – именно сказочные, легендарные и былинные персонажи и сюжеты возвращают себе качество фактов общественной психологии (а то и идеологии). Мифы прорастают сквозь неблагоприятные для них эпохи

и особенно активно дополняются неомифами при архаизации общественных отношений. Вместе с тем формообразование народных традиций и норм при модерне и постмодерне качественно различно. В частности, широкий диапазон выбора для каждого, размытость внешних границ, непредопределённость рисков усложняют принятие кардинальных решений. Одновременно расхождение условий и возможностей при модерне уже создало точки концентрации недовольства и протестных настроений, готовые не столько к развитию, сколько к демонтажу, подталкивающих постмодерн к сценариям срыва в контрмодерн с отказом от образования и науки, деиндустриализацией, суевериями и шарлатанством «нового средневековья».

Если посредством традиционных медиа между собой общались единичные субъекты-контрагенты, а масс-медиа обеспечили обращение единичного субъекта ко многим, то новые медиа предполагают сложную мозаику контактов многих со многими, когда индивид, с одной стороны, должен быть готов к самым разнообразным взаимодействиям, а с другой – вправе отказаться вступать в них вообще (включая и взаимодействия со смыслами). Феномен «нектратии», усиление сетевого характера влияния объединились с информатизацией социальной и индивидуальной жизни [9, с. 11]. В постглобальном мире логика событий рождается во взаимодействии (партнёрстве и конкуренции) разнородных над-, меж- и внутригосударственных образований. Смыслы жизнедеятельности: человеческой и культурно-цивилизационных миров – определяют направленность, темпы, формы и очередность трансформации их конкретных характеристик, но сами проявляют себя как сторона ценностного восприятия окружающего мира. Определяющая направленность общественных трансформаций проявляется в предрасположенности к определённым дарованиям, в предпочтении конкретных умений. Закрепление предпочтений осуществляется системой кадровой работы и продвижением по службе. Соотнесение собственно человеческого, святого и звериного начал в отдельном индивиде и в общественном бытии всякого культурно-цивилизационного мира различно. Вектор подвижности этого баланса формирует разные приоритеты при создании: как в божественном уподоблении при продуцировании/творчестве смыслов, так и животном – при биологическом репродуцировании/размножении. Отнюдь не формальные конструкты, а качество жизни и возможности творчества определяют прогресс страны, а новые горизонты развития открываются там, где общественное устройство максимально способствует реализации творческого потенциала каждого. Вместе с тем идеалы Красоты, Добра, Истины не только формируют представления и установки, но и выводят за пределы актуальной жизни. Причём развёртывание виртуальных реальностей повышает арсенал обоюдного давления при взаимопереходах виртуального и реального, одухотворении материального и материализации духовного. Между тем оценка реального происходит в сравнении его с идеальным. Идеалы общественных справедливости, свободы и равенства преломляются сквозь представления каждого культурно-цивилизационного мира, сконцентрированные в его базовых ценностно-смысловых комплексах.

Самозащита же культурно-цивилизационных миров базируется на особенностях их общественной психологии и идеологии, коллективного бессознательного и народных ментальных матриц, выращивающих из ценностно-смысловых комплексов новые формы традиционных устоев и позволяющих овладевать отечественными и внешними достижениями в контрманипулировании. Гибкость структур отрицательной и положительной обратной связи позволяет и гасить вредные импульсы, и усиливать полезные, выливаясь в совершенствование самой меры развития, выращивая субъектность в рефлексивность, индивидуальность в личную и позволяя множить конкретные преимущества соотношения циклично повторяемого и уникально неповторимого. Чем больше оснований у общества, чем более сложная внутренняя структура, тем она более устойчива

в периоды относительных стабильности и изменений, тем более способна к дальнейшему развитию. Поэтому федеративные республики всегда под угрозой распада, но в то же время внутри у них кипит жизнь, когда «моногосударства», достигнув апогея развития, быстро начинают тяготеть к угасанию. Соединение в национальном государстве сил нации и государства когда-то дало на переходе из Традиции к Модерну мощнейший организационно-управленческий импульс. Позднее первенство перехватила целостность на основе федеративной республики: практически все мировые лидеры стали таковыми на её базе. Поэтому постглобализм как форма взаимодействия культурно-цивилизационных миров включил в себя процессы регионализации, федерализации и глобализации и стал естественным этапом организации безопасности и развития человечества. Да и в надгосударственном постглобальном структурировании её принципами обстают во всех сферах жизни: «закрытое акционерное общество» государственности перерастает в «открытое». Но, как и любой процесс развития, он может происходить и восприниматься болезненной синусоидой в плоскостной интерпретации или же по восходящей спирали при пространственно-объёмном осуществлении/анализе. Так, условия постсовременности с характерными социальной эклектикой, плюральностью, разнонаправленностью, движением общности от свойств социально-экономической системы к бессистемным социокультурным целостностям особенно потворствуют формированию социокультурных динамик на основе методологии и техник оперирования образами. Жизнедеятельность культурно-цивилизационных миров интегрирует образное восприятие социокультурной постистории (где можно использовать и реактуализировать образы из самых разнообразных эпох) и предистории (когда ничего не предрешиено, могут победить самые противоречивые формы), что обостряет антагонизм между системными началами олигархического монополизма и интеллектуально-культурного развития как формирующих среду общественных отношений. При этом парадоксальный характер постмодерна упрощает формирование самых причудливых альянсов. Конкуренция же между культурно-цивилизационными мирами втягивает в себя все виды общественных отношений, а её процесс и результаты существенно зависят от развития и использования человеческого фактора, структура которого различна для условий производства, экономики и всего общества, уровней глобального, региональных и национального, условий стабильности и переходности (особенно парадигмальной), в частности, институциональной памяти, особенностей восприятия и представлений о справедливом и должном. Вместе с тем неприятие и отторжение современного взлома традиционной жизни с присутствием ему эксцессами и конфликтностью (в частности, между возможностями и качеством жизни в городе и селе) может стать одним из внутренних факторов социального наполнения протестных движений в политической жизни общества, правового нигилизма и выборочного правосудия с давлением радикалов на судебные инстанции. При этом срыв постмодерна как модели развития в контрмодерн как вариант деградации включает деградацию самой структуры изменений, способа воспроизводства общественной жизнедеятельности.

Обеспечение стратегического выигрыша в информационном противостоянии и укрепление позиций в полилоге требуют безопасности и развития базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира, задачи реализации чего резко усложняются условиями постсовременности, особенно приметами постнеомодерна/квазипостмодерна. В этой ситуации исход международной конкуренции культурно-цивилизационных миров и очередной внутренней модернизации непосредственно зависит как от налаженных социальных коммуникаций, так и от защиты и обеспечения форм развития традиционных ценностей, которые тысячелетиями составляли духовную, нравственную основу цивилизации, каждого народа: ценностей традиционной семьи, подлинной человеческой жизни,

в том числе и жизни религиозной, жизни не только материальной, но и духовной, ценностей гуманизма и разнообразия мира, что требует баланса общественной устойчивости и инакомыслия. Диапазон же реализации представления о должном во многом предопределяет успех исторического Выбора культурно-цивилизационных миров.

Итак, представления о должном отражают ценностно-смысловые комплексы, вплетаются в нормы, традиции и устои, формируют идеалы и структурируют развитие через создание Сверхпроекта культурно-цивилизационного мира. Сценарии срыва в контрмодерн как реакция культуры традиции на вызовы инноваций модерна провоцируются социальным неприятием роста общественного раскола и недоступностью создаваемых благ для части населения, становясь элементом конкурентного взаимодействия между культурно-цивилизационными мирами. Среди сфер противостояния нарастает значение информационного противоборства, в частности социального уровня воздействия, прежде всего, на общественные представления о должном и справедливом. Общественное развитие как неотъемлемая часть общественной безопасности предполагает целенаправленные усилия по развитию информационного обеспечения как социокультурной среды развития, так и точек роста, которыми ныне становятся научно-образовательно-производительные кластеры. Стимулирование желательных трансформаций должно улучшать условия жизнедеятельности каждого, расширяя диапазон общественно полезному творчеству (прежде всего, в труде и управлении) и снижая потенциал конфликтности в обществе, в частности преодолевая нетрудовые различия в благосостоянии и разрыв в условиях жизни населения.

Развитие социокультурных полей уверенно входит в число ведущих факторов не только успеха конкретного хозяйственного узла, но и глобального геостратегического позиционирования. Соответственно, их организация оказывается в числе определяющих задач стратегического управления. Обеспечение приоритетности органических для постсовременности организационных форм духовного производства является условием и консолидации акторов, ресурсных баз и методологий их общественного взаимодействия, определения результирующего вектора региональных перемен, а также формирования глобальной повестки дня. Соответственно, кардинально увеличивается значение средств и развития информационной инфраструктуры, личностного роста с его неотъемлемым элементом – подъемом гражданского самосознания.

Вместе с тем системы социальной защиты и развития социокультурных полей складывались под влиянием целого ряда различных факторов: истории их формирования, качества социальной жизни, борьбы политических сил, производительности экономик, поэтому существенно отличаются по объему, соотношению составляющих, формам и историческим приоритетам, что требует учета диалектики общего, особенного и специфического в балансе рациональных и иррациональных факторов эмоционального и интеллектуально-восприятия и возбуждения.

Литература

1. Доценко Е. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. 3-е изд., испр. и перераб. Санкт-Петербург: Речь, 2003. 304 с.
2. Мамардашвили М. Картезианские размышления. Москва: Прогресс; Культура, 1993. 352 с.
3. Молчанов А. Россия, Украина и Белоруссия от Н. Хрущёва до Беловежской Пути. Белгород-Харьков: Центр социальных технологий, 1997. 408 с.
4. Бузгалин А., Колганов А. Пределы капитала: методология и онтология. Москва: Культурная революция, 2009. 680 с.
5. Шедяков В. Public Relations информационной эры: использование постсовременных социально-политических коммуникаций. Наукові праці: Науково-методичний журнал. Вип. 246. Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2015. Т. 258: Соціологія. С. 14–21.

6. Панарин И. Технология информационной войны. Москва: КСП+, 2003. 320 с.

7. Шедяков В. Социальный уровень информационного влияния как аргумент в стратегической конкуренции культурно-цивилизационных миров. Гілея. 2014. Вип. 91. С. 249–258.

8. Аронсон Э., Пратканис Э. Современные технологии влияния и убеждения. Эпоха пропаганды. Санкт-Петербург: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2008. 543 с.

9. Шедяков В. Стратегічна конкуренція та якість інформаційного діалогу. Вісник Одеського національного університету. Серія «Соціологія і політичні науки». 2013. Т. 18. Вип. 1 (17). С. 9–17.

Аннотация

Шедяков В. Е. Сравнение с представлением о должном как основание для оценки действительности. – Статья.

В статье рассматривается роль идеальных факторов развития и безопасности общества. Изучается место ценностно-смысловых комплексов. Анализируется потенциал информационного обмена в реализации воздействий социального уровня. Результат международной конкуренции культурно-цивилизационных миров и очередной внутренней модернизации связывается как с качеством социальных коммуникаций, так и с защитой форм развития традиционных ценностей, нахождением баланса общественной устойчивости и инакомыслия. Среди сфер конкуренции выделяется значение информационного противоборства, в частности социального уровня воздействия, прежде всего, на общественные представления о должном и справедливом. Делается вывод, что обеспечение стратегического выигрыша в информационном противостоянии и укрепление позиций в полилоге требуют безопасности и развития базовых ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационного мира. С этой целью выделяется значение средств и развития информационной инфраструктуры и личностного роста с его неотъемлемым элементом – подъемом гражданского самосознания. С этих позиций предложены пути дальнейшего совершенствования реформ.

Ключевые слова: долг, идеалы, ценности, нравственность, справедливость, воздействие, представление, восприятие, впечатление.

Анотація

Шедяков В. Є. Порівняння з уявленням про належне як підстава для оцінювання дійсності. – Стаття.

У статті розглядається роль ідеальних чинників розвитку й безпеки суспільства. Вивчається місце ціннісно-смыслових

комплексів. Аналізується потенціал інформаційного обміну в реалізації впливів соціального рівня. Результат міжнародної конкуренції культурно-цивілізаційних світів і чергової внутрішньої модернізації пов'язується як із якістю соціальних комунікацій, так і з захистом форм розвитку традиційних цінностей, знаходженням балансу громадської стійкості та інакомислення. Серед сфер конкуренції виділяється значення інформаційного протиборства, зокрема соціального рівня впливу передусім на суспільні уявлення про належне і справедливе. Робиться висновок, що забезпечення стратегічного виграшу в інформаційному протистоянні та зміцнення позицій у полілозі вимагають безпеки й розвитку базових ціннісно-смыслових комплексів культурно-цивілізаційного світу. Із цієї метою виділяється значення засобів і розвитку інформаційної інфраструктури й особистісного зростання з його невід'ємним елементом – піднесенням громадянської самосвідомості. Із цих позицій запропоновано шляхи подальшого вдосконалення реформ.

Ключові слова: обов'язок, ідеали, цінності, моральність, справедливість, вплив, уявлення, сприйняття, враження.

Summary

Shedyakov V. E. Comparison with the idea of the due as the basis for evaluation of reality. – Article.

The role of ideal factors of development and security of society is considered. The place of value-sense complexes is studied. The potential of information exchange in the realizing of social level's impacts is analysed. The result of the international competition of cultural and civilizational worlds and the next internal modernization is associated both with the quality of social communications, and with the protection of the forms of development of traditional values, the balance of social stability and dissent. The importance of information confrontation, in particular, the social level of impact, first of all, on public perceptions of the proper and fair, – is distinguished among the spheres of competition. It is concluded that securing a strategic win in the information confrontation and strengthening positions in the polylogue requires security and the development of basic value-sense complexes of the cultural and civilizational world. For this purpose, the importance of the means and development of the information infrastructure, and personal growth with its integral element – the rising of civic consciousness, is singled out. From these positions, ways of further improving the reforms are proposed.

Key words: duty, ideals, values, morality, justice, impact, idea, perception, impression.